

ЗАПИСЬ ШКОЛЫ ОБЩИНЫ С ХУЛИАНОМ КАРРОНОМ МИЛАН, 25 ОКТЯБРЯ 2017 Г.

Текст: Х. Каррон. «Сначала не было так!»

- *Errore di prospettiva*
- *Come my Way, my Truth, my Life*

Добро пожаловать всем тем, кто пришел сюда или подключился к нашей первой в этом году встрече. Сегодня мы вернемся к содержанию лекции Дня начала года. Песни, которые мы спели, вводят нас в то, чем мы собираемся заниматься, потому что, только если мы внимательно смотрим, нам удастся увидеть реальность такой, какая она на самом деле, признать то, что есть. Однако, как было сказано на Дне начала года, мы осознаем, насколько такой взгляд не возникает сам по себе. Нам нужен свет, и поэтому мы пели: «*Come my Way, my Truth, my Life*» – «Приди, мой Путь, моя Истина, моя Жизнь, Ты жизнь, позволяющая нам дышать» (Attr. G. Herbert, R. V. Williams // *Canti*. Milano: Soc. Coop. Ed. Nuovo Mondo, 2014. P. 234). Когда мы не дышим, у нас не получается и внимательно смотреть. Итак, начнем нашу работу.

Я хотел бы рассказать о моем опыте в свете первых трех пунктов лекции Дня начала года. В силу обстоятельств, сложившихся в моей жизни в этом году, я часто замечаю, что занимаю позицию формализма и морализма. Верно и то, что я вижу и «симптомы», которые ты описываешь. В трудные моменты я соглашаюсь с тем, что симптомы полезны, поскольку побуждают молить о присутствии Иисуса, об опыте отношений с Ним, и понимаю, что мое сердце не отчаялось, а напротив, умиротворено в ожидании Его ответа на просьбы, следующие за признанием симптомов. Однако у меня есть важный вопрос, касающийся «возвращения к началу», то есть к возможности быть радостным оттого, что Он отвечает и что Он есть. Это правда, изначально я признал притягательность личности Иисуса, но тут как во влюбленности: на первых порах ты идешь вперед, подгоняемый попутным ветром, но спустя годы требуется труд, чтобы выявить для себя причины, по которым стоит и дальше сохранять отношения с человеком. Я нуждаюсь в том, чтобы Событие вновь происходило, чтобы Христос присутствовал в моей жизни сейчас и не был лишь абстрактной мыслью. Если Он отвечает, значит, Его ответ должен быть очевидным, легко узнаваемым, и я не должен предпринимать каких-то особых усилий. Мне не помогают те, кто говорит, что следует быть «нравственной», больше молиться и работать над школой общины, чаще слушать свидетельства и т. д. Я могу радоваться вере других людей, о которой они мне свидетельствуют, могу радоваться их святости и тому, что о Христе постоянно говорят как о смысле жизни, я могу радоваться счастью и радости других людей, словам школы общины, цитируемым наизусть, но, если все это не происходит во мне, все бестолку. Я, как и многие другие люди, ищу конкретных проявлений Иисуса и замечаю, что мир ищет именно такого, конкретного Христа. Это существенный фактор для веры, для того, чтобы жизнь опиралась на радость, на надежду. Призывы нравственного характера, мои личные усилия и свидетельства других, мистицизм, правильные слова – все это не помогает и, более того, в конце концов раздражает, поскольку из-за них я еще острее чувствую свое несоответствие.

То, о чем ты говоришь, связано с какими-то более соответствующими способностями твоих друзей, с их яркими свидетельствами или же с происходящим Событием?

Это связано с Событием, потому что сами по себе свидетельства мне совсем не помогают.

Я бы не сказал, что они не помогают. Чуть позже мы увидим, зачем нужны свидетельства. Первый же вопрос в том, замечаем ли мы, когда Христос присутствует. Речь не просто о том, что у одних что-то получается лучше, у других хуже. Нужно понять, свидетельствуют ли нам

определенные вещи, что Христос «происходит» прямо перед тобой. Это крайне важно. Оставим вопрос открытым и посмотрим, удастся ли нам сегодня вечером дать на него более ясный ответ.

Благодарю тебя за лекцию Дня начала года, которая, кто знает почему, помогает мне гораздо больше, чем обычно. Мне кажется, что в этот раз мы работаем над проблемами, действительно касающимися реальной жизни, самой нормальной, каждодневной жизни. Я постоянно возвращаюсь к одному вопросу – с тех пор, как ты впервые его произнес, вплоть до этого момента: а как было сначала? После Дня начала года наш приор Братства сказал одной из групп: «И все-таки я чувствую, что начинать снова очень сложно». Когда он произнес это, у меня перед глазами было название лекции: «Сначала не было так», – и я сказал: «Сначала никаких сложностей не было». С тех пор я стал часто задумываться о том, как все случилось в первый раз, вспоминать мельчайшие подробности первого столкновения, произошедшего в самый первый раз много лет назад. Да, это было именно столкновение. Иисус «врезался» в мою жизнь и изменил ее! Если бы этого не случилось, я бы сейчас не выступал перед тобой. Часто я задаю тот же самый вопрос моим друзьям, потому что он постоянно возвращается. Первый раз был для меня одновременно прекрасным и очень странным. Я признавал, что происходило нечто великое, нечто поразительное, хотя и под видом нормальных, даже банальных вещей. Именно поэтому в моей голове возникают четкие образы этих лет: лица, глаза, песни, вечера с друзьями – и к ним добавляется то исключительное чувство, какое я не мог бы именовать иначе, как «предощущение истины». Если я думаю о том моменте, о том конкретном первом моменте, то замечаю, что все случилось внезапно, и я оказался совершенно не готов. Это была по-настоящему непредвиденная неожиданность. Да, я ждал чего-то такого, но ничего такого не ожидал. В результате я не «защищался» перед тем, что происходило, меня это ничуть не интересовало. Затем, со временем, ты думаешь, что повзрослел, и начинаешь размышлять, аргументировать, тебе кажется, будто ты все уже знаешь, что понимаешь, как все устроено. Так, возможно, сам того не желая, ты начинаешь использовать то благое, чему тебя научили, чтобы защищаться от непредвиденного. Ты даже пытаешься переосмыслить тот первый раз и чуть ли не ставишь его под вопрос, говоря: «Мы тогда были молоды, энтузиазм вытеснял все остальное». Ты судишь о начале сейчас, будучи «зрелым», «многоопытным», и уже не вспоминаешь, какое суждение вынес раньше: да прошло много лет, но ведь оно было настоящим! Думаю, настоящее суждение о вещах – то, которое было вынесено тогда, сразу, а не отшлифовано с годами. Поправь меня, если я ошибаюсь. И так ты ждешь или, даже хуже, ждешь с претензией, что событие произойдет, предавая, отрицая тот способ, с помощью которого оно произошло. Самая глубокая ностальгия и самое большое различие между «тогда» и «сейчас» связаны для меня как раз с позицией ужасной (в хорошем смысле слова) незащищенности. Событие настигло и покорило меня, завладело мной внезапно. И я был рад этому. Сейчас же я трачу время на то, чтобы защититься и не дать себя поразить. Мне кажется, есть нечто таинственное (так я это называю), что позволяет тебе снять любую защиту, быть открытым перед всем, с симпатией относиться к чему угодно, в том числе и к непредвиденному. Мне не интересно возвращаться в прошлое, я хочу жить как в первый раз сейчас и всю жизнь – с изначальным изумлением. Но я не знаю, как определить это таинственное, не знаю, откуда оно рождается и существует ли метод, позволяющий постоянно пребывать в такой позиции. Помоги мне разобраться в этом.

Благодарю тебя, потому что ты затронул крайне важный пункт. Ты определил, каким был в самом начале, описал, как это начало произошло, а потом добавил, что произошедшее с тобой словно служит, чтобы защититься от происходящего в настоящем. Это важнейший момент, но мы часто даже не осознаем, насколько он важен. Ты признаешь, что в самом начале ни от чего не защищался.

Именно так.

Именно так. Тогда в какой мере утрата этой позиции препятствует событию вновь происходить? Речь не о том, чтобы оно происходило так же, как в первый раз: сейчас для тебя происходит то же самое, что и тогда. По-моему, это решающий аспект, особенно если речь идет о такой вере, как наша, где все внимание сосредоточено на Событии, вновь происходящем в настоящем. Ты предельно ясно описал проблему: «Я уже знаю, как все устроено». Так мы превращаем событие в нечто механическое. Нам не хватает изначального подхода, изначальной открытости. Именно о них постоянно просит Иисус, ведь благодаря этому мы в состоянии вновь признавать Его, когда Он приходит! Нельзя сказать, что Он не приходит...

Просто мы его просто не видим.

В определенный момент, вместо того чтобы поддерживать в себе открытость, мы меняем подход. Ты говорил, что начинаешь размышлять. Я бы сказал так: ты пытаешься налить молодое вино в старые мехи. Но «сначала не было так»! И поэтому нельзя сказать, что событие не происходит, но ты пытаешься вмести его в уже известное. Это не значит, что размышлять не нужно, проблема в том, что при этом ты плохо используешь разум. Вначале ты был вынужден полностью распахивать его перед происходившим событием, а сейчас ты подменил открытость неким механическим процессом: размышления вытеснили событие и заняли его место. Что же такое это «таинственное», позволяющее нам не защищаться?

Привет!

Серьезный вызов, да? Он только для таких отважных людей, как ты!

После диаконии, которую мы провели в конце месяца, я осталась под большим впечатлением. Помимо всего того, что ты сказал, меня поразила твой энтузиазм в отношении нас, студентов.

Возможно, мой энтузиазм был чересчур юношеским...

Я вернулась домой и подумала: «Ничего себе, Каррон, глава Движения, должен бы ожидать от нас согласия с тем, о чем он говорит, что проведет или решает, о чем думает. Он же приходит к нам и ищет ответы вместе с нами. Это очень контрастировало с моим поведением по отношению к друзьям, к однокурсникам с тех пор, как месяц назад меня назначили ответственной за нашу университетскую общину. Ко мне приходят люди, рассказывающие о своих проблемах с Движением, с верой. И я замечаю, что часто ухожу в таких случаях в оборону, как будто я должна помочь им в конце концов утверждать то, что думаю я, то есть доказать им обоснованность моей позиции. И это совершенно бесполезно. Я могу обманывать других, но не саму себя, не мое сердце.

Молодец. Бесполезно! Понять это – уже немало. Именно поэтому я так не действую.

Я поняла, что в тебе вижу позицию ребенка, тогда как моя позиция – это закрытая позиция взрослого человека. Но не может же быть взросление своего рода приговором, потому что в таком случае я должна была бы отказаться от всего, что произошло со мной до сих пор. «Сначала не было так». Но значит ли возвращение к началу, что нужно что-то исключить...

Что подсказывает тебе то, о чем ты рассказала? Можно ли быть взрослым, оставаясь при этом ребенком?

Ну... то, что я видела в тебе...

«Ну, то что я видела...!» Вот именно! Нет никакого противоречия в том, чтобы быть взрослыми и в то же время оставаться детьми. Ты убедилась в этом, глядя на кого-то. Евангелие указывает нам на таких людей. Богородица была взрослой, но оставалась столь открытой, Иоанн и Андрей были взрослыми людьми, но оставались столь открытыми, Петр был таким взрослым, но оставался столь открытым. Мне кажется, затронутый тобой вопрос крайне важен. Мне очень понравилось, как ты описала, что происходит с тобой во встрече с людьми: «Я могу обманывать других, но не саму себя, не мое сердце». Для тебя в этом нет никакого толку. Это не значит, что не нужно переживать за тех, за кого ты несешь ответственность, и заботиться о них. Вопрос в том, что значит заботиться. Как мы заботимся о наших друзьях, о Движении? Ты защищаешь Движение, только когда признаешь Присутствие и обращаешь на него внимание других. Именно так ты можешь по-настоящему нести ответственность, потому что не ты соответствуешь ожиданиям сердца твоих друзей. То же касается и меня: не я отвечаю на ваши ожидания. Я аж подпрыгиваю на месте, если на моих глазах происходит что-то полезное для меня и для вас. Вот что действительно соответствует, как и в самом начале. Поэтому, когда в нас есть такое отношение, мы чувствуем себя едиными друг с другом, ощущаем сопричастность, которая рождается не потому, что мы решаем во всем приходиться к согласию. Мы признаем, что между нами царит согласие, только будучи под впечатлением от одного и того же: от присутствия Христа здесь и сейчас. Например, этим летом меня много раз приводило в изумление молчание, которое устанавливалось во время свидетельств на встрече студентов. Ты киваешь, поскольку помнишь. Его почти можно было потрогать. Почему? Оно не было запланировано: мы слушали рассказы о событиях из жизни и что-то происходило, среди нас устанавливалось Его присутствие. Именно это вновь возвращало всех нас в позицию ребенка. Даже тут нет нашей заслуги. Мы просто еще раз с удивлением заметили, как происходившее событие вновь даровало нам изначальное, подлинное отношение. Вопрос в том, следуем ли мы за ним, когда оно происходит, потому что это не случается автоматически. Событие внушительно, но следование за ним не является автоматическим.

Каждое утро я включаю компьютер: по меркам Движения мой рабочий стол безупречен: вместе с почтой автоматически загружаются сайты «Общшения и освобождения» и Sussidiario. Я читаю все, что публикует Движение! Несколько дней назад я наспех прочел рассказ о собрании испанских старшеклассников, среди которых была одна девушка, сторонница независимости Каталонии, которая чувствовала «что ее определяет не только это». На том собрании сложился разговор, а потом все присутствовавшие, хотя и придерживаются разных мнений о ситуации, стали вместе петь каталонские песни. Я быстро дошел до конца статьи и заметил, что у меня вырвалось невольное «ммм». Прямо вот так: «Ммм!» Это, так сказать, был симптом. И я спросил себя: «Что это еще за “ммм”? Как его понимать?» «Они молодцы, но такие наивные, – сам того не сознавая, подумал я. – Проблемы-то все-таки серьезные». Потом я остановился: «Наивные?» Что значит наивные? Внезапно мне вспомнилась известная фраза Джуссани, которую мы только что вновь услышали на Дне начала года: «Называйте нас наивными»: «В начале мы не строили на ценностях, которые принес нам Христос, мы строили на Христе. Называйте нас наивными [но это так]». Тогда я спросил себя: «Что ты делаешь? Останавливаешься на кажущейся наивности ребят, словно ее мало, словно это недостаток? Неужели ты не понял, что тебе свидетельствуют о попытке строить на Христе?» Потом у меня были дела, и я отвлекся, но позже, уже после обеда, я вернулся к статье, поскольку осознал, что прочитал ее, как читают ежедневные газеты по утрам в баре, пока макают булочку в капучино, отчасти рассеянно, в глубине души думая, что многие новости в том или ином виде ты уже в жизни повидал, и не раз. Я перечитал текст, и мне показалось, что я уловил нечто новое – честное слово – нечто прекрасное и убедительное, вселяющее энтузиазм. Каждая деталь, каждое наблюдение свидетельствовали о колоссальных новизне и чистоте позиции в сравнении с тем, как нередко сталкиваются разные стороны конфликта, впадая при этом в максимализм и экстремизм. И тогда, поразмыслив, я подумал: «Чего я ждал, когда читал?» Либо ничего, либо же я пытался заметить прежде всего не воодушевление перед Присутствием, а, если выразиться

словами отца Джуссани из лекции Дня начала года, «культурный перевод», который показался бы мне убедительным и подтвердил бы мне, что правильно быть членами Движения. Но таким образом я рисковал не уловить подлинное суждение и аутентичную культуру, заключенные в той чистой и созидательной позиции, которую занимали ребята. Именно через воодушевление перед присутствием возрастает разумное понимание реальности, это происходит не где-то вовне, не параллельно. И тогда я спросил себя, есть ли что-то еще, что с исторической точки зрения (с исторической точки зрения для нас, стариков, заставших шестьдесят восьмой год, значит нечто решающее, конкретное, сообразное нынешней реальности) было бы важнее для испанской молодежи, да и для взрослых, для целой нации и ее судьбы, есть ли что-то важнее, чем позиция, высказанная в статье? Нет, если говорить честно, то нет. И слава богу, Тайна заронила во мне сомнение (а именно это и произошло), когда значение слова «наивный» перевернулось для меня, вырвав меня из рассеянности.

В конце концов, что же ты увидел, что ускользнуло от твоего внимания при первом чтении? Все мы порой поступаем, как ты: идем вперед, не уловив важность того, что находится прямо у нас носом и что мы не признаем. Мы думаем, будто это слишком наивно. Но кто не подумал бы то же самое, услышав об Иоанне и Андрее и представив себе их историю в масштабе проблем Римской империи? Когда Джуссани говорит нам об Иоанне и Андрее, все мы полны энтузиазма. Может, и он тоже был немного наивным... Может и Христос слегка наивен, если использует такой метод? Но что с исторической точки зрения оказалось весомее его? Для нас текст, написанный испанскими ребятами как бы даже и не событие: событие происходит перед нами, но мы и ухом не ведем и, следовательно, не улавливаем ту новизну, которое оно несет в себе, не распознаем ее истоки. Чтобы мы могли выносить такое суждение, какое вынесли испанские старшеклассники, Слово должно стать плотью, как это должно было случиться для Иоанна и Андрея: так они смогли пережить опыт, о котором рассказывается в Евангелии. Ты в конце сказал, что часто мы идем вперед, оставляя без внимания многие вещи, и это не позволяет нам распознавать подлинное суждение (оно кажется нам наивным, и мы думаем, будто нужно дойти до «культурного перевода»). Нет, нет! Суждение заключено в происходящем событии, как это было для тех ребят. Впоследствии они опубликовали еще одно свидетельство. Не знаю, читал ли ты его.

Да.

Я прочитаю, поскольку в нем еще яснее видно то, о чем я говорю. «Второе октября 2017 года [день спустя после столкновений]. Деревня во внутренней части Каталонии. Семнадцатилетняя девушка [националистка] с удивлением заметила, как для нее пошатнулись убеждения, в которые она всегда верила: “Сегодня утром мы прочитали официальное заведение школы, в которой я учусь, выражавшее ярость и осуждавшее жестокие действия против граждан, голосовавших на участках. Я разозлилась, поскольку жестокость проявлялась с обеих сторон, хотя в действиях полиции ее и было больше. Меня выводят из себя подобные обобщения, когда говорят о том, как дурно поступают правительство и полиция, и, когда речь заходит об испанцах, всех равняют под одну гребенку. Нас оскорбляет, если кто-то зовет нас террористами, но и мы сами поступаем точно также. Ни в испанских, ни в каталонских новостях журналисты не ищут истины, все действуют исключительно в собственных интересах. Независимость, которую защищаю я, не в этом”. Эта девушка прочитала также письмо одного человека, якобы полицейского, призывавшего не прибегать к насилию первого октября. Вот что она сказала: “Не знаю, подлинное ли письмо или нет, но от финальной его части у меня голова пошла кругом: “Тут [в этой политической борьбе] для нас решается ВСЕ!” Передо мной человек, который ставит всю свою жизнь на это, человек, счастье которого зависит от политического решения. Если идеология столь могущественна, что ослепляет нас, если свидетельства о моем опыте христианской встречи недостаточно, то как я могу создать зеленый свет, который сорвет маски идеологии?” Зеленый свет – тот, что показан в “Людах против огня”, одном из эпизодов сериала “Черное зеркало”, в котором военное подразделение

защищает жителей города от нашествия антропоморфных существ, именуемых “тараканами”. Их безжалостно изрешечивают из автоматов. Неожиданно в глаза одного из солдат попадает зеленый свет из устройства, принадлежавшего одному из существ. На следующий день он видит уже не тараканов, а лишь испуганных детей, мужчин и женщин, пытающихся спрятаться. Как громом пораженный, он больше не в состоянии убивать. Покров идеологии, отделявший его от тех людей, пал. Друг девушки из Каталонии сказал ей: “Ты и есть зеленый свет. Кажется, твоего опыта слишком мало в сравнении с широтой проблемы, он словно пылинка, не больше. В Вифлееме две тысячи лет назад родился младенец. Мало ли этого для разрешения мировых проблем? Таков метод Бога: избрать малое, чтобы совершать великие вещи. Ты лишь должна быть верной опыту соответствия, который пережила. Так потихоньку ты сможешь уничтожить маски”. Эта девушка не желает подливать масла в огонь. Она хочет проверить, действительно ли христианский опыт способен разоблачить идеологию. Во всей своей немощности она спрашивает, как это может произойти в ней, как ей стать зеленым светом. Ей интересно жить и передавать другим изменение, произошедшее в ней благодаря встрече со Христом, встрече, дарующей единство ее жизни и позволяющей смотреть на другого как на благо, а не как на чужака. Все мы нуждаемся в зеленом свете, который разрушил бы идеологии и помог бы нам вновь обрести самих себя и друг друга.

Что за факт перед нами? Как может человек, на протяжении многих лет впитывавший в себя определенную идеологию, только лишь в силу кажущегося банальным события – христианской встречи – разоблачить идеологию? Перед нами событие или же иллюзия? Это что-то, неважно, большое или маленькое (как в случае с Иоанном и Андреем), свидетельствует о том, что событие продолжает происходить, даже если мы его не видим? Да или да? Подобно статье испанских ребят, от нас ускользает и множество других вещей, и в результате мы подменяем событие беспорядочной кучей последствий, ведь, когда мы больше уже не удивляемся событию, в игру вступают правила, этика, все, что только нам удастся придумать. Но единственная этика, позволяющая не скатиться в идеологию (и для девушки из Каталонии, и для нас), заключается в том, чтобы оставаться верными опыту соответствия, который мы пережили. Для той девушки ясно: человек, который связывает все свои ожидания с политическим решением, точно не поступает соответственно своему сердцу. Кажется, такого понимания слишком мало, но на самом деле это все. И такое суждение она выносит только лишь в силу своей принадлежности к христианскому опыту, ей не пришлось оканчивать курс по идеологии в Гарварде. Даже он не дал бы ей того наивного дерзновения, которое разоблачает любую идеологию. Но нам этого часто кажется слишком мало перед вызовами жизни, не так ли?

Совсем мало.

Совсем мало, даже не просто мало!

Когда участвуешь во встречах вроде Дня начала года, все кажется просто, или, когда идешь на школу общины, все кажется легко, ясно, настолько ясно, что каждый готов предложить решение, и даже те, у кого решения нет, стремятся найти его. Но вся эта теория, слова, факты (относящиеся к другим людям) не выдерживают столкновения на следующий день, когда действовать должен я. У меня такое ощущение, что мне больше помогают не слова, которые мы говорим, а сам факт того, что мы находимся вместе. Как нам помогать друг другу, когда мы вместе? Как помогать друг другу идти вперед?

Что нам действительно помогает: то, что мы вместе, или же произошедший факт? Когда я поехал на День начала года в Мадрид, мы встретились с той девушкой из Каталонии, и она задала мне твой вопрос: «То, что я пережила в эти выходные, выстоит ли сегодня вечером по возвращении домой и завтра, когда я пойду в школу?» В школе мало кто думает, как она, большинство занимает другую позицию. Благодаря чему можно выстоять в подобной

ситуации? Опыт, который она пережила и который постоянно должна заново признавать, проверяя, действительно ли он выдерживает напор конкретных обстоятельств, в которых она находится. Если же думать, будто сила в единстве, то поражение неизбежно, поскольку других всегда будет гораздо больше в сравнении с нами. Именно перед лицом вызовов мы можем убедиться, способно ли то, что мы видели, выстоять в испытаниях. И поэтому мы от них не избавлены, ведь если наша вера не может устоять, победить в обстоятельствах, у нас остается сомнение, которое как червь, подтачивает изнутри и разрушает нас. Определенные обстоятельства, через которые мы должны проходить, являются решающим условием достижения уверенности в вере.

Как многие из нас, первого сентября я поменяла работу и сейчас преподаю в государственной средней школе под Миланом. Один из моих классов довольно трудный, большинство учеников не доверяют взрослым и видят в них только врагов. Я знала, что будет так, и была готова, я знала, в какую школу иду, знала, что хочу преподавать в государственной школе, поскольку моя личная история вела меня именно в этом направлении...

Почему? Расскажи коротко твою личную историю, чтобы мы поняли.

Я выросла в семье, которая придерживалась левых взглядов, наполовину атеистической, наполовину считавшей себя католической. Мои родители всегда посылали меня исключительно в государственные школы, потому что «там больше свободы, каждый преподаватель высказывает свое мнение, и потом ты сама можешь решать, за кем хочешь следовать». В последних классах у меня была одна преподавательница, которую я стала уважать и ценить больше, чем всех остальных. Впоследствии я узнала, что она из Движения, и в этом было ужасное противоречие. Я думала: как же так, такой умный человек, и из CL! Немыслимо! Но это не оттолкнуло меня от нее, а напротив, укрепило мое любопытство.

В той школе не было множества людей из Движения. Тебе достаточно было встретить лишь одного человека.

Самое невероятное в том, что она просто вела уроки. В моей школе никаких инициатив и встреч Движения не было. Она ничего такого не говорила, о том, что она из CL, я узнала не от нее. Она просто вела уроки. Но это оказалось достаточным и необходимым, чтобы полностью перевернуть мою жизнь, в которой появился смысл. Потом потребовалось время, чтобы этот смысл дал о себе знать (я окончила школу в 2006 году, а сейчас 2017-й). Вот, такой была моя отправная точка. Из благодарности я хотела пойти работать в государственную школу, потому что, если бы я не встретила ту преподавательницу в государственной школе, я бы никоим образом не оказалась бы здесь. Я даже не могу представить себе, как в таком случае развивались бы события. В общем, у меня были все причины, чтобы отправиться в государственную школу. Я знала, что именно в этой школе было непросто, но в то же время условия для работы там имелись. Только вот теория отличается от практики, и встреча с одним из двух моих классов оказалась очень трудной. Я заметила, что весь интерес моих учеников сводится к тому, чтобы проверить, надолго ли хватит моего терпения. Все до сих пор так. И это изнуряет. У меня много терпения, но одного терпения недостаточно. После двух недель, в которые по возвращении домой мне не всегда удавалось сдержать слезы, я вдруг поняла, что моей главной заботой стало то, как провести школьные часы, а их много – десять в том классе. Ничего больше. Оставалось несколько дней до Дня начала года. Я спрашивала себя: что я тут делаю? Хорошо, я знаю, почему решила работать в этой школе, но сейчас, когда я тут, все кажется мне ужасным. Я поехала на День начала года с этим вопросом, и это мне очень помогло, потому что так лекция не прошла для меня бесследно, и для наметился дальнейший путь. Особенно мне запомнилась одна вещь, которую я уже слышала раньше, но в этот раз она прозвучала для меня по-другому. Ты рассказал историю заключенного, который подвергся несправедливому обыску со стороны

надзирателей, но не разозлился на них, а подумал: «Они, конечно же, не могут поступать иначе, раз они не видели то, что видел я». В тот момент что-то для меня прояснилось, и я поняла: это то же самое, что происходит в отношении между мной и моим учениками. Они не могут вести себя иначе: мои коллеги рассказали мне личные истории многих из них, и они по-настоящему тяжелые. Я и раньше это знала, но не могла провести простые связи. Я поняла, что могу смотреть на них таким взглядом, словно говоря: «Ты оскорбляешь меня, но я здесь ради тебя, поскольку, к сожалению, с тобой не случилось то, что случилось со мной». И это тот же взгляд, каким смотрел Иисус на людей, оскорблявших Его, распиная. Они в тот момент ничего не поняли. Кто знает, поняли ли они впоследствии. Говорят, один из них понял, но уже после смерти Иисуса. Меня это привело в трепет, но с другой стороны, я была менее напряжена, я меньше сердилась. И сейчас все немного проще. Возвращаясь в школу, я подумала, что могу ведь никогда и не увидеть плоды моей работы, никто мне этого не гарантирует. Но на самом деле что-то потихоньку происходит. Возможно, потому что я стала свободнее в моих реакциях. Каждый день по незначительным моим действиям тот или иной ученик что-то замечает. Первый случай, поразивший меня, и единственный, о котором я расскажу, случился в день, когда чудесным образом класс работал. Во мне они не нуждались, и поэтому я взяла задания другого класса и стала их проверять. Вдруг в тишине у меня вырвалось: «О, нет!» Одна ученица спросила меня: «Что такое?» Я ответила: «Этот ученик оставил целый лист теста незаполненным, он не перевернул страницу, и не увидел, что есть продолжение». Девочка спросила: «А вы разве не рады? Так вам придется меньше проверять». Я ответила: «Если бы меня это волновало, я бы не занималась моей работой. Мне неважно, сколько времени я потрачу, я хочу, чтобы у вас были хорошие результаты». Она не ожидала такого ответа. И это лишь подтверждает, что они такие не по собственной вине. Просто мне была дарована в жизни большая благодать. Поэтому мне даже не нужно беспокоиться, откуда брать терпение, я просто должна жить перед ними, как моя преподавательница жила передо мной. Ничего другого. Замысел о них принадлежит не мне.

Ты говорила, что ученики начинают удивляться некоторым вещам. Почему они удивляются? Они удивляются той инаковости, которая с тобой входит в их жизнь так же, как когда-то она вошла в твою собственную жизнь благодаря одной преподавательнице. Это кажется такой малостью в сравнении с масштабом воспитательной проблемы. То же самое случилось со святым Павлом: он попал в темницу, встретил там другого заключенного, стал его другом. С того момента для него начался переворот в вопросе рабства, который раньше был лишь теорией. Его действия тоже казались чем-то незначительным. Одна из вас спрашивает: «Как поддерживать событие живым каждый день, чтобы оно не становилось всего лишь мысленным возвращением к первому разу? Почему, когда речь заходит о событии, мы словно блуждаем в тумане, как будто ему не соответствует никакой конкретный опыт? Нам сложно предстоять перед содержанием того, что должно бы нас заботить прежде всего остального, и поэтому очень быстро скатываемся в область культурных последствий [и не видим, что происходит]». Так, не видя, мы как бы блуждаем в тумане. Событие может быть даже маленьким, но твоя самая непослушная ученица его замечает. Для нее оно не туманно. Она улавливает событие, улавливает инаковость, которую несет ее преподавательница, и в конце концов удивляется. Вопрос в том, есть ли в нас простота, необходимая для такого признания.

Я написала тебе сразу после Дня начала года, чтобы поблагодарить тебя и Давиде за то, что там произошло. На меня всё произвело глубокое впечатление, начиная со входа в зал, потому что уже много лет мне не удавалось участвовать в Дне начала. Я была по-настоящему взволнована. С другой стороны, я ощутила, что твои слова описывают именно меня. Уже какое-то время у меня на сердце лежала тяжесть. Мне казалось, что я только жалуясь: на работу, на мужа, который не всегда соответствует моим ожиданиям. Даже друзья становились поводом, чтобы выразить всю мою неудовлетворенность. А на Дне начала года я вновь пришла в волнение, как в самом начале. Я вновь задышала полной грудью и ощутила радость от того, что произошло со мной. Обстоятельства не изменились, но я как бы вновь

пережила объятие, которым Христос охватывает мою жизнь. Я вновь увидела всю притягательность Его присутствия. Ко мне вернулось желание видеть Его лицо во всех обстоятельствах повседневной жизни. Так все то, что составляет мою повседневность: работа, муж, дети – вновь стали знаком Его дружбы со мной. Отсюда родилась благодарность за пережитый опыт и за благодать компании, которая постоянно побеждает мою рассеянность и забывчивость. Это письмо я написала тебе в душевном порыве после Дня начала года. А когда пару дней назад вы позвонили мне и спросили, не хочу ли я выступить, я подумала: что случилось со мной в период между Днем начала года и настоящим моментом?

И как, событие продолжается?

Продолжается. То есть не продолжается моя последовательность, она не выдерживает, но выдерживает Он.

А кто должен выдерживать: ты с твоей последовательностью или он?

Он, постоянно вновь происходящий для меня.

И претендующий на то, что Он Христос.

Это случилось в один вечер, проведенный с друзьями, и продолжает случаться в непредвиденных событиях.

А из чего видно, что это случается? Ты уже сказала об этом.

Из того, что мое сердце радостно.

«Из того, что сердце радостно». И ты ощущаешь то же соответствие, что и в начале. Оно проявляется по-другому, но это то же соответствие, что и в начале: ты дышишь полной грудью. И дело не в том, что поменялись обстоятельства. Просто ты вновь ощутила объятие Христа. Порой я спрашиваю себя: неужели мы все были в одном месте? Потому что одни в восторге, а другие засыпают, третьим скучно. Но даже если один человек замечает что-то (а придумать такое невозможно), это свидетельствует о том, насколько признание зависит от нашей свободы. Оно не имеет ничего общего с автоматизмом. И потому, если мы все были в одном и том же месте, но сердце у каждого было открыто по-своему, насколько же нам нужно молить о нищете Безыменного. К ней призывает нас и папа, и она, по сути, есть нищета, о которой просит нас Иисус. Если мы хотим войти в Царство Божие, нужно стать нищими, чтобы быть в состоянии замечать Его. Поэтому давайте продолжать нашу работу с таким желанием: не столько чтобы доказать, какие мы молодцы (всем нам хорошо известно, на что мы способны), но чтобы заметить Его. Те, кто хочет проверить, на что они способны, в конце концов злятся и жалуются. Замечающие же Христа дышат полной грудью и радуются. Мне любопытно, что мы увидим в дальнейшем. Джуссани напоминал нам о том, какая это благодать – принадлежать к народу, который постоянно бросает вызов моей рассеянности и позволяет мне видеть то, что есть, а не то, чего нет! Вот почему видеть что-то и рассказывать друг другу об увиденном, разделять друг с другом то, чем мы живем, – первое выражение дружбы.

Следующая **школа общины** состоится в среду, 22 ноября. Будем готовиться к ней, работая над второй половиной лекции Дня начала года («Сначала не было так»), пункты с четвертого по шестой.

Ваши вопросы и краткие свидетельства вы можете отправлять по адресу sdccarron@comunioneliberazione.org. Прошу вас использовать его исключительно для писем,

касающихся школы общины. Письма на иностранном языке необходимо отправить до вечера пятнице, а на итальянском – до вечера воскресенья, предшествующего школе общины. Так у меня будет время прочесть их. Прошу вас также указывать номер телефона, чтобы с вами можно было легко связаться.

Книга месяца в ноябре и декабре: *«Где Бог? Христианская вера в эпоху великой неуверенности»*. Это беседа между мной и журналистом Андреа Торньелли.

Всемирный день бедных

В воскресенье, 19 ноября, пройдет Всемирный день бедных, установленный папой Франциском. Об этом своем намерении он сказал в соответствующем послании, где, помимо прочего говорится: «По завершении Юбилея милосердия я пожелал предложить Церкви Всемирный день бедных, чтобы христианские общины по всему миру становились все более конкретным знаком милосердной любви Христа к самым последним и к самым нуждающимся». Обратите внимание на то, какие связи проводит папа: итогом Юбилея милосердия для него стало желание облечь милосердие Христово в конкретное действие. Как видите, День бедных не оторван от Юбилея, он рождается от того же самого порыва, как мы говорили и в лекции Дня начала года. Призыв папы поможет нам переживать все благотворительные инициативы, ожидающие нас в ближайшие недели: продовольственный сбор, который пройдет 25 ноября, а ближе к Рождеству – «Рождественские палатки AVSI». И то, и – конкретный способ последовать за призывом папы помогать самым бедным. Нужно лишь переживать эти два мероприятия с сознанием о том, к чему призывал нас отец Джуссани, когда предлагал каритативу на окраине Милана. В его предложении слышалась та же забота, о которой папа просит нас сейчас. Поразительно! Мы можем понять, о чем говорит нам папа, в рамках нашего опыта, благодаря тому, что предлагал нам Джуссани.

Veni Sancte Spiritus

Всем доброго вечера.